СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Благодарности 9

Введение 11

1. «Пал, оклеветанный молвой» 23
Француз идет свататься 26
Дуэль 31
Первые последствия 36
О мифах и культах 43
Заключение 51

2. Жизнь за царя, опера для народа 55
Пятница, 27 ноября 1836 года: премьера 57
Национальная музыка? 63
Национальная тема 68
Заключение 77

3. Философическое безумие 79
Цензура и сумасшествие 81
Письмо 87
Апология или извинение? 96
Заключение 105

4. Во плоти 109
Подготовка 110
В дороге 118
Это Россия 127
Известность и излияния чувств 138
Заключение 149

5. Оживление провинций 153
Рождение губернских ведомостей 154
Практичное, похвальное, фантастическое 162
Миссия провинции 173
Заключение 182

6. Попечители невежественных крестьян 187
Кто такие государственные крестьяне? 188
Под стягом попечительства 191
Министерство в деле 201
Вот вам и картошка! 212
Заключение 219

7. Позаботьтесь о верблюдах 223
Россия, степь и далее 224
На пути к столкновению 228
Как наказать непокорное ханство? 234
Международный контекст 238
Зимний поход 244
Заключение 250

8. Православие шествует на Запад 255
Униатское наследие России 256
Начало процесса и его инициаторы 259
Процесс пошел 265
Последняя стадия: 1837–1839 274
Последствия 280
Заключение 284

9. Единорог буйный, но покорный 287
Решение строить 289
Строительство, испытания и открытие 302
Следующий шаг? 310
Заключение 314

10. Северный феникс 317
«Северная столица лишилась лучшего своего украшения» 318
Случившееся после 330
Реставрация, или «Усердие превозмогает все» 335
Толкование пожара как вызов и возможность 341
Заключение 349

Итоги года 352

Краткая библиография 359

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне как человеку, который предлагает сегодняшнему читателю прочесть книгу о России в 1837 году, неплохо бы для начала объясниться. Знакомые с российской историей помнят, что в том году на дуэли погиб Александр Пушкин, величайший поэт России. Некоторые, возможно, знают, что в том же году в России открылась первая железная дорога. Но большинство вряд ли назовет еще что-либо примечательное. Тем более что в истории России несложно отыскать другие годы, которым можно было бы посвятить целую книгу, и такие «книги о годе» становятся все заметнее в научно-популярной историографии. Но главная задача моей книги — показать, что именно 1837-й, хотя с первого взгляда это и не представляется очевидным, переполнен событиями и значим для истории страны и что — слегка утрируя — можно утверждать: не понимая, что в том году произошло, невозможно понять Россию.

Данный проект — результат почти тридцатилетних исследований (в основном на религиозную тематику), которые раз за разом привлекали мое внимание к критически важным изменениям, произошедшим в 1830-е годы. Чем больше я изучал разнообразные пласты российской истории, тем больше убеждался в своем первом впечатлении. В идеале я бы взял четырехлетку (1836–1839), но с точки зрения книжного рынка ни такой период (четыре года), ни само

слово («четырехлетка») неинтересны — и тогда я решил, что хватит и года. Сильным доводом в пользу 1837-го послужила гибель Пушкина, а дальнейшие исследования подтвердили, что, пусть и с натяжками, у меня получится то, что я задумал. А уж заметив, что и мой родной город Чикаго, и моя студенческая альма-матер (колледж Нокс) основаны в 1837-м, я понял, что сама судьба велит мне приступить к работе над этой книгой. Представляет она на самом деле какую-либо ценность или нет — решать читателю.

БЛАГОДАРНОСТИ

Стефани Айрленд, Дэвид Макдональд, Элизабет Нельсон, Виллард Сандерленд и покойный Эндрю Белл (1963–2017) поддержали этот проект, когда сам я еще опасался, что он окажется интересным только для меня. На раннем этапе кружок исследователей русской истории в Беркли подтвердил, что проект действительно стоит усилий, и за приглашение я благодарю Клариссу Ибарру. Некоторые разделы книги стали информативнее благодаря коллегам из следующих университетов: Европейского университета (Санкт-Петербург), Токийского университета, Вашингтонского университета, Нью-Йоркского университета, Высшей школы экономики (Москва), Университета Назарбаева (Казахстан), Аризонского университета, Уральского федерального университета (Екатеринбург) и Невадского университета (Лас-Вегас). Коллеги делились со мной идеями, критическими соображениями, материалами, ответами на сложные вопросы и иногда алкоголем; это были: Йоко Аосима, Надежда Балацкая, Грег Браун, Елена Кэмпбелл, Дэвид Дарроу, Михаил Долбилов, Джефф Иден, Кэтрин Евтухов, Виктория Фреде, Гэри Хамбург, Мами Хамомото, Джон Хэй, Джеймс Ховард, Хубертус Ян, Иоанна Кепка, Игорь Христофоров, Янни Коцонис, Скотт Леви, Мария Луковская, Ольга Майорова, Марк Мазовер, Сьюзан Макэффри, Наталия Мазур, Патрик Майклсон, Дэвид Мун, Александр Моррисон,

Норихиро Наганава, Екатерина Правилова, Стивен Ригг, Джефф Шауэр, Бенджамин Шенк, Таку Синохара, Джефф Симпсон, Барбара Скиннер, Сьюзан Смит-Питер, Дарюс Сталюнас, Гульмира Султангалиева, Бенджамин Тромли, Улжан Тулешова, Ария Удри, Тедди Улдрикс, Елена Вишленкова, Алексей Волвенко, Ричард Уортман и Даниил Завлунов. Несколько коллег проявили исключительное терпение и прочитали всю рукопись, а потому несут особую ответственность за все погрешности моей работы: Эндрю Дженкс, Джей Джонсон, Стивен Ловелл, Лори Манчестер, Екатерина Рахилина и Уильям Розенберг. Комитет по академическим отпускам в Невадском университете, офис вице-ректора Невадского университета, декан Колледжа гуманитарных наук и кафедра истории предоставили средства и время, освободив меня от основных обязанностей, для проведения необходимых исследований и написания книги. Даниел Верт задал мне вопрос, позволивший по-новому взглянуть на содержание 8-й главы, а Елизавета Зуева поддерживала меня на протяжении всей работы.

ВВЕДЕНИЕ

> Разве не находите Вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?
>
> *Александр Пушкин. Письмо П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.**

Когда бой часов возвестил начало 1837 года, немногие в России могли себе представить, что им уготовано в ближайшем будущем. Между тем конец и начало 1837-го были отмечены великими бедствиями. В январе страна лишилась своего величайшего поэта — в смертельной дуэли погиб Александр Пушкин, и это событие встало в основу формирования его культа, по сей день являющегося важной составляющей культурной идентичности страны. В декабре в большом пожаре Российская империя лишилась своего величайшего архитектурного произведения — Зимнего дворца, который, подобно фениксу, возродился из праха спустя всего полтора года. Но были и другие знаковые события в этом примечательном году. С первой постановкой оперы Михаила Глинки «Жизнь за царя», осуществленной накануне 1837 года, зародился русский музыкальный

* Письмо касается знаменитого «Первого философического письма» Чаадаева, напечатанного в № 15 журнала «Телескоп» за 1836 г. (с французского языка его перевел Н.Х. Кетчер). В связи с репрессиями, постигшими Чаадаева, письмо не было отправлено адресату. Впервые опубликовано в № 4 журнала «Русский архив» за 1884 г.

национализм; одновременно с развитием провинциальной прессы расцвела жизнь регионов. Крамольные послания Петра Чаадаева всколыхнули общество и разожгли дебаты о национальном характере России, ее отсталости и месте в мире. На Западе Россия строила смелые планы по распространению православия среди грекокатоликов, а на востоке готовилась завоевывать Хивинское ханство. Цесаревич отправился в большое путешествие по империи, которое широко освещалось в прессе, популяризировавшей личность будущего царя. Государственные крестьяне, составлявшие почти половину сельского населения России, в результате реформы П. Д. Киселева получили новое начальство — возглавленное им Министерство государственных имуществ, энергично приступившее к проведению реформ и просветительству. Состоялся дебют и главного символа индустриального прогресса — паровой железной дороги. Таким образом, важными событиями были отмечены все сферы жизни — от культуры, религии и идеологии до имперской политики, сельского хозяйства и промышленности.

Внимательный читатель заметит, что все эти события различаются по характеру, длительности и значению. Одни — как гибель Пушкина и пожар в Зимнем дворце — несчастные случаи. Другие отражают многолетние процессы, которые начались задолго до 1837-го и закончатся много позже. Третьи — как опера Глинки и железная дорога — представляют моменты метафорического рождения. Пытливый читатель

спросит (вежливо склонив голову набок), а скептический — потребует ответа (возмущенно сложив руки на груди): «Что же связывает эти разрозненные события и процессы, кроме совпадения по времени?»

Прежде всего, не будем так просто списывать само совпадение по времени. Научная традиция обычно требует сосредоточиться на конкретном историческом вопросе, отделять проблему или процесс от общего течения истории. Здесь же подход иной. Делая скидку на неизбежный случай, благодаря которому все это само собой выпало на один конкретный год, я хочу показать: для современников все то, что мы, ученые, обычно рассматриваем отдельно, происходило одновременно. Реальный опыт не укладывается в одну тему или одно направление.

Но можно пойти и дальше. Идея этой книги в том, что 1830-е годы в России — период значительных по масштабу развития, инноваций и вызванных ими последствий, а 1837-й — ключевой год начала современной эпохи в Российской империи. Такие заявления могут вызвать вопросы. По традиции принято считать, что время правления Николая I (1825–1855) — период консервативного застоя, когда «жандарм Европы» обеспечивал порядок за пределами России и укреплял самодержавие в самой стране. Так и 1837-й большинство исследователей рассматривают как совершенно заурядный год. Ни великих волнений, ни смены правителя, ни крупных зарубежных войн, ни заметных преображений общественного или политического строя. Крепостничество по-прежнему

определяло жизнь сельской части России, самодержавие оставалось неуязвимым до 1905 года. Все это правда. И все-таки я заявляю, что корни множества характерных и заслуживающих внимания свойств современной России можно найти уже в этом исключительном, хоть и неприметном году. В немалой степени Россия стала той, какой стала, благодаря 1837 году.

Я утверждаю, что разнообразные события 1837 года и вокруг него можно приравнять к «тихой революции» — этот термин намеренно противоречив и даже парадоксален. Данная революция — не мгновенный слом существующего политического или общественного строя (как было во время Великой французской и Октябрьской революций), а радикальное и масштабное переосмысление их устройства и организации — по крайней мере, их восприятия (как было в промышленной революции или революциях цен). Я утверждаю, что в 1830-х годах Россия претерпела ряд перемен, которые привели к появлению новых институтов, идей и прежде неизвестного опыта. Таким образом, 1837-й — переломный год, когда разные курсы исторического развития пересеклись и породили новые. Последствия можно обнаружить много позже — в виде важных характеристик России в поздний царский, советский и даже постсоветский периоды. Таким образом, хотя в центре исследования стоят эти двенадцать месяцев, в повествовании также рассматриваются далеко идущие последствия описываемых событий и объясняются дальнейшие проявления тенденций, заметных уже в тот ранний момент.

То есть я предлагаю не историю отдельно взятого 1837 года, но размещаю этот год в общей хронологии.

Однако, чтобы не слишком акцентировать важность этих изменений и показать, что большинство подданных российского императора жили своей частной жизнью, не осознавая всей важности происходящего, я называю эту революцию «тихой». Все, что произошло в России в 1837-м, важно и временами откровенно драматично; многие современники — например, Пушкин, как это видно из эпиграфа, — чувствовали, что грядет нечто великое. Но данные процессы развивались мирно и скрытно: не суета и волнения, а спокойствие и ненавязчивость. В отдельных случаях важность тех событий открывалась только по прошествии времени, когда 1837 год уже сыграл свою роль, послужив началом, переломом или примечательным периодом общего континуума. Если вкратце, хоть я и говорю о чрезвычайно важных последствиях 1837 года, помню о том, что многие тогда ничего особенного не замечали. Это одновременно заурядный и исключительный год.

Также я утверждаю, что при всем разнообразии описанных событий каждое по-своему сыграло важную роль в сплочении России. В каких-то случаях роль очевидна: открытая в 1837 году железная дорога в конце концов соединит удаленные части страны, что невозможно было и представить на рубеже XVIII и XIX веков. Обращение 1,5 миллионов грекокатоликов в православие сильнее связало с центром западную часть России (всего полвека назад это

была территория Польши). Учреждение Министерства государственных имуществ объединило управление многочисленным слоем населения — государственными крестьянами, способствовав сплочению крестьянского населения России вообще. В других случаях эффект был не столь заметным, но тем не менее сильным. Появление провинциальной прессы создало в стране общую интеллектуальную среду — как ни парадоксально, к этому привело именно сосредоточенность каждого издания на уникальности своей губернии. Путешествие цесаревича, вызвавшее бурные проявления верноподданнической любви и восторга, объединило разные регионы, разбросанные на огромных географических расстояниях. Опера Глинки на многие десятилетия выразила на музыкальном языке стремление к единению монарха и народных масс. К тому же привел и пожар в Зимнем дворце, вызвавший выражения солидарности народа с царем, общее стремление к обновлению. Смерть Пушкина объединила многих в трауре, а его культ, хоть и развивавшийся постепенно, стал культурным клеем как для последнего периода империи, так и для СССР — и служит современной России до сего дня. Даже провальная военная кампания в Центральной Азии помогла объединить пограничные степи с «Большой землей» — Россией, что стало ключевым этапом включения казахов в российскую управленческую и культурную орбиту. Короче говоря, в качестве последствий «тихой революции» в России 1837 года можно назвать интеграцию, усиление

единства народов благодаря разнообразным институтам и практикам, а также распространение общего опыта на огромных пространствах империи.

Другими словами, 1830-е годы — критический момент в национальном строительстве России. Империя по-прежнему расширялась, а имперское мышление по-прежнему было характерно для правящей элиты. Но теперь уже проявлялись более видные элементы национального сознания, и разные части страны — или как минимум ее православное ядро — начали сплачиваться в единое целое, отличное от удаленных и пограничных территорий. То есть внутри империи зарождалась русская нация. Пушкин стал национальным поэтом (и его почитание усилилось из-за романтической истории его гибели), а Глинка подарил России, как считали многие, национальную музыку и собственную оперу. Обращение грекокатоликов отчасти задумывалось для консолидации зарождающейся русской нации, а пожар в Зимнем дворце показал, что он принадлежит не только императорской семье, но и всему народу. Размышления Чаадаева о месте России в мире — это тоже исследование, посвященное русской нации. Между тем провинциальная пресса документировала появление этой нации и заодно выступала в роли ее повитухи. В 1830-х годах образование нации стало идеологической задачей режима и источником вдохновения для многих российских мыслителей. Я полагаю, что при ближайшем рассмотрении событий 1837 года мы видим становление нации в конкретных

институтах и практиках — от оперы и поэзии до газет и дворцов.

Мои основные тезисы в целом основаны на собрании нижеследующих эпизодов, но каждая глава задумана как более-менее независимый исторический очерк, который можно читать и сам по себе. Читатель может интересоваться железными дорогами, но быть равнодушным к религиозным вопросам или восхищаться оперой, но пренебрегать провинциальными газетами. Хотя, конечно, если кто-то станет рассматривать эти сферы жизни по отдельности, он ограничит свой кругозор и лишит себя удовольствия от получения новых знаний. Но никто ни в коем случае не обязан читать все главы — как, впрочем, даже и одну.

При работе над каждым очерком я исходил из того, что читателю, возможно, кое-что известно на данную тему, но, скорее всего, лишь немного. У специалистов могут быть претензии к упрощениям, сделанным для доступности и краткости изложения. Но, поразмыслив, они согласятся: мое скромное сочинение задумано для того, чтобы пробудить у читателя интерес к каждой теме и подтолкнуть к их углубленному изучению у настоящих знатоков.

В России 1837 года хватает событий, которые могли бы лечь в основу отдельных глав, но не легли. Например, экспедиция ученого Карла фон Бэра на Новую Землю, долгая колониальная война России на Кавказе, начало строительства храма Христа Спасителя в Москве. Но отсутствие в книге этих и других событий не означает, что я составил свою выборку

случайным образом. Признаюсь, одни эпизоды привлекли меня потому, что я знал: из них получатся хорошие сюжеты. В целом я стремился показать разные стороны России: провинции и пограничье наравне со столицей; культуру наравне с промышленностью; крестьян наравне с элитой; зарубежную политику наравне с отечественным развитием. Этот подход позволяет не только наблюдать динамику в разных контекстах, но и составить портрет страны в такое критическое время.

Первые три главы касаются культуры — литературы, музыки и идей — и рассматривают яркий период с осени 1836-го по 1837 год. Четвертая глава, посвященная путешествию наследника престола по империи, заводит нас в провинцию, где мы и задержимся еще на две главы, чтобы рассмотреть местную прессу и реформу государственных крестьян. Затем две главы затронут вопросы империи: одна уведет нас на восток и расскажет о попытке покорения Хивы, а другая — на запад, и она посвящена массовому обращению в православие грекокатоликов. Две последние главы касаются строительства и перестраивания: в них речь идет о первой железной дороге России и о Зимнем дворце.

Прежде чем приступить к первой главе, у меня есть два содержательных введения. Первое — рассказать максимально кратко, что творилось в мире, чтобы поместить российский 1837 год в глобальное полотно мировой истории. В июне в Британии взошла на престол 18-летняя Виктория; ее правление продлится

до первого месяца XX века, а ее именем назовут целую эпоху. В июле один ее верноподданный, Чарльз Дарвин, начал вести дневник, в котором классифицировал сорта растений и породы домашних животных; в него же он заносил свои мысли по естественному отбору, из чего позднее появилась его теория эволюции. В Испании бушевали карлистские войны — в кровавом конфликте участвовали целые армии. В Новом Свете весной 1836 года объявил независимость Техас, а в Нью-Мексико произошло народное восстание (известное как восстание в Чимайо). В марте популистский президент США Эндрю Джексон уступил место Мартину ван Бурену, а в октябре в городе Цинциннати открылось семейное предприятие «Проктер энд Гэмбл» по производству свечей и мыла. В Азии отсутствие муссонных ливней вызвало массовый голод на северо-западе Индии; на паданге (поле), который в конце концов станет Сингапурским клубом крикета, сыграли первый матч. Между тем Китай был на пороге Первой опиумной войны (1839), которая сильно изменила баланс сил в Восточной Азии.

И второе, пара слов о политике царского строя. Хотя моя книга рассказывает о динамике России в 1830-х годах, в том, что самодержавие придерживалось политики консерватизма, не может быть никаких сомнений. Угрозы существующему строю внутри России и в Европе сформировали взгляды Николая и отбросили длинную тень на все 1830-е годы. Междуцарствие после гибели Александра I в ноябре 1825 года предоставило возможность для мятежа

представителей элиты, позже получивших название декабристов. Николай приказал открыть огонь и с легкостью разогнал те немногие полки, которые восстали утром 14 декабря, но сам бунт и дальнейшая казнь пяти зачинщиков омрачили его правление. Среди мятежников были выходцы из знатных семей, и Николая, отличавшегося обостренной чувствительностью к общественному мнению, беспокоило то, как этот кризис истолкуют в европейской прессе. К тому же бунт раскрыл уязвимость императора перед потенциальными угрозами, и он боролся с ними, усилив контроль и цензуру и учредив новый полицейский орган — Третье отделение. Революции и восстания в Европе и Царстве Польском в 1830–1831 годах усилили его переживания. Мятеж декабристов увенчал череду европейских возмущений в Испании, Неаполе и Греции 1820–1821 годов, пошатнувших мировой порядок после Наполеона. Июльская революция во Франции в 1830-м привела к свержению династии Бурбонов и приходу «буржуазного» короля Луи-Филиппа I; в том же году Бельгия в ходе революции завоевала свою независимость от Нидерландов. Для подавления Польского восстания 1830–1831 годов потребовалось ввести войска, и к списку поводов для волнений добавился национализм. Это было динамичное и смутное время для всего мира, и у таких старых режимов, как российский, хватало уважительных причин для беспокойства. И все же Россия не могла позволить себе оставаться неизменной — отставать от мировой динамики

было нельзя. Несмотря на весь свой консерватизм, Николай считал себя преемником самодержавного реформатора Петра I.

Покончив с формальностями предисловия, перейдем, наконец, к событиям 1837 года. И начнем с поэта Александра Пушкина, в начале 1837 года ведущего поэта России, которому совсем скоро суждено было погибнуть.